

(«Роман о лисе»), то в XX в. антропоморфизация уже имеет приобретенный характер (А. Франс «Остров пингвинов», П. Буль «Планета обезьян»). Если для «Романа о лисе» характерен синкретизм форм проявления антропоморфизма, то в дальнейшем появляется тенденция к доминированию только одной из форм: в романе «Планета обезьян» – это антропоморфное мироустройство, в романе «Муравьи» – антропоморфный нарратив. Наблюдается эволюция образов животных от олицетворения людских пороков к эталону для подражания.

Библиографические ссылки

1. Бул П. Планета обезьян: пер. с фр. Ф. Мендельсона. – М.: Захаров, 2001. – 210 с.
2. Вербер Б. Муравьи: пер. с фр. К. Левина. – М.: РИПОЛ классик: ГЕЛЕОС, 2008. – 352 с.
3. Франс А. Восстание ангелов: пер. с фр. М. Богословский и Н. Рыковой; Остров пингвинов: пер. с фр. Дынник. – Алма-Ата: Меуктеп, 1986. – 352 с.

УДК 82 (100)

«ОБЕЩАНИЕ НА РАССВЕТЕ» РОМЕНА ГАРИ КАК АВТОФИКЦИЯ

Е. А. Борисеева

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь*

В статье рассматриваются художественные особенности автобиографического романа Р. Гари «Обещание на рассвете». Соотношение художественного вымысла и реальности в тексте, пространственно-временная организация романного мира, нарративные стратегии позволяют отнести произведение Р. Гари к жанровой форме автофикции.

The article considers the artistic features of the autobiographical novel Promise at Dawn by Romain Gary. The ratio of artistic fiction and reality in the text, the spatial and temporal organization of the novel, narrative strategies make it possible to classify R. Gary's work to the genre form of autofiction.

Ключевые слова: автобиографический роман; жанровая форма; роман; автофикция; пространственно-временная организация; нарратив.

Key words: autobiographical novel; genre; novel; autofiction; chronotope; narrative.

Ромен Гари вошел в историю литературы XX века, прежде всего, как автор беспрецедентной мистификации, что для самого писателя было закономерным итогом его эстетических поисков. Создав мифического Эмиля Ажара, Р. Гари достиг апогея мифотворчества, в центре которого – его авторское «я». Важный этап его творчества, предваряющий литературную мистификацию, связан с оформлением авторской концепции пикарескного романа, теоретическим обоснованием которой станет литературно-критическое эссе Р. Гари «За Сганареля. Поиски персонажа и романа» (*Pour Sganarelle. Recherche d'un personnage et d'un roman*, 1965), где автор-пикаро в соперничестве с Властью реальности, под которой понимаются условия, навязываемые «законами универсума и законами собственной изначальной данности» [5, р. 89], отстаивает главное оружие художника – вымысел. Начало же этого этапа связано с публикацией автобиографического романа Р. Гари «Обещание на рассвете» (*La Promesse de l'aube*, 1960).

В эссе «За Сганареля» Р. Гари предостерегает от попыток отождествления реальной персоналии и художественного образа – искушения, которого сложно избежать и биографам, и критикам, и читателям. Для писателя самоанализ – это воображение себя: «Когда Пруст анализирует самого себя, он выдумывает себя, он не открывает психологическую правду о себе, он создает Пруста, персонажа» [5, р. 133]. Представление Р. Гари о том, что «смещение реальности и воображения не может предъявлять никакую другую подлинность, кроме подлинности произведения» [5, р. 133], соотносится с наиболее продуктивным подходом к исследованию художественной автобиографии: поскольку обращаясь к автобиографическому роману, мы имеем дело только с текстуальной реальностью, следует говорить именно о стратегиях текста, реализующих ту модель творческого пути, которая определена авторской концепцией.

В романе «Обещание на рассвете» Р. Гари речь идет о целенаправленном творческом проекте, предполагающем создание вымышленного образа самого себя, что согласуется с концепцией автофикции – жанровой формой автобиографии, термин для которой введет в 1977 году С. Дубровский. Жанровое оформление автофикции как самосоздания приходится на эпоху постмодерна, когда общим местом становится представление С. Дубровского о том, что «отображающее, референциальное и невинное записывание» есть «иллюзия» [цит. по: 2]. В основе автофикции лежит «оксюморонный пакт», построенный на

взаимодействии разных жанровых конвенций, что делает ее «повествованием, характеристики которого соответствуют характеристикам автобиографии, но который сочетает реальные факты с фикциональными элементами» [1, с. 89]. По К. Делому, в автофикции «автор берет на себя только одно обязательство: лгать читателю самым достоверным способом» [цит. по: 1, с. 90]. Согласно Р. Гари, в такой игре, где романист мистифицирует реальность, а читатель делает вид, что охотно поддается обману, каждый имеет свою выгоду: они получают возможность приобретать в творчестве новые идентичности.

При исследовании автофикции акцент традиционно ставится на самоидентификации посредством вымысла. Но самоидентификация и есть самосоздание. И Р. Гари создает, осуществляет себя в письме. Автофикция «Обещание на рассвете» имеет два уровня прочтения: с одной стороны, это история о становлении художника, с другой – сам текст конструирует, оформляет образ писателя.

Роману Р. Гари в полной мере присуща парадоксальность автофикции, когда «при наличии отсылок к реальности, мы имеем дело с чистым поэйсисом вместо мимесиса» [1, с. 87], где поэйсис – создание, мимесис – подражание. В романе Р. Гари фикциональность – не столько «инструмент для поисков самоидентичности» [1, с. 90], сколько осознанный способ создания творческого имиджа, авторского «я», важная часть стратегии, направленной на выстраивание уникального, и в то же время, соответствующего запросам своего времени образа французского писателя из фрагментов реальности.

Ромен Гари всегда подчеркивал гибридность своей идентичности. Более того, он сознательно поляризует собственную личность, добавляя к еврейству русско-азиатское происхождение. Во-первых, это дает возможность уйти от «идентичности завершенной и непоправимой» (*identité achevée et irrémédiable*) [5, p. 82]. Во-вторых, совмещая в своем образе гены «татарских и еврейских предков» и напоминая о погромах, где особенно усердствовали казаки, писатель проводит одну из главных идей своего творчества: «бесчеловечность есть часть человеческого». Так личное становится частью универсального, фикционализация работает на авторскую концепцию.

Право на «русскость», что составляет основу творческой легенды Р. Гари, дает герою представленная в романе история любви его матери и кинозвезды Ивана Мозжухина. Русскую составляющую идентичности призвано подчеркнуть и место рождения: Р. Гари предпочитает родиться «где-то под Курском», поскольку Вильно, его родной город, не очень подходит в качестве места рождения «титану французской литературы». В «Обещании на рассвете», где первая часть романа повествует о жизни

героя с матерью в Вильно, настойчиво повторяется, что здесь они оказались «проездом».

«Русский по отцу», рожденный в загадочной и необозримой России, Р. Гари стремится войти во французскую литературу под мощным патронажем русской литературной традиции. По его собственному признанию, он вырос на русской литературе. И характерно, что «русскость» Р. Гари имеет преимущественно литературный характер (образные и сюжетные заимствования, ориентиры в манере повествования и стилистике). Так, Ф.-А. Дезерабль указывает на сходство истории господина Пекельного из «Обещания на рассвете» со сценой разговора Хлестакова с Бобчинским в гоголевском «Ревизоре». «Русские» страницы в автофикции Р. Гари, как и в других его романах, напоминают лубок, они буквально сотканы из штампов: бескрайние просторы, занесенные снегом, православная церковь, сани с бубенцами, солдаты и матросы революции.

Итак, идентичность автора, нарратора и героя в «Обещании на рассвете» оказывается весьма проблематичной, в противовес автобиографическому принципу трех совпадений. «Я-рассказывающее» и «я-рассказываемое» у Р. Гари не совпадают: Ромен Гари, французский писатель и дипломат, повествует о становлении Ромушки Касева как художника. Зазор между нарратором и героем обеспечивается «двойным регистром» повествования, когда «наивность» представлений героя-протагониста интерферирует со скептической опытностью героя-рассказчика» [3, с. 84].

Неидентичность нарратора и героя обусловлена пространственно-временной организацией повествования. За нарратором и героем закреплены разные временные пласты: нарратор, находясь на берегу вечного Океана, между небом и землей, «в огромном морском одиночестве» (*dans la grande solitude marine*) [4, р. 730], оказывается в другом измерении, обладая всезнанием и всеведениемдемиурга. Океан как символ Вечности является фоном, на котором разворачивается действие романа. Сменяемость картинок прошлого, калейдоскоп мест и событий накладываются на вневременность пустынного пляжа Биг-Сур, где находится нарратор. Последовательность излагаемых событий подчинена не хронологии, но субъективному процессу воспоминаний, которые выстраивают образ художника в погоне за абсолютным.

Художественное осмысление личного опыта в романе Р. Гари «Обещание на рассвете» соответствует основным правилам автофикции (несовпадение автора, нарратора и героя, сосредоточенность на внутреннем мире личности, игра фактом и вымыслом, сложный хронологический рисунок). Самосочинение, в котором обозначается

творческое кредо писателя, оформляется его авторская легенда, прорисовывается исключительная судьба художника на фоне трагических событий XX века, является своего рода предтечей литературной мистификации и ключевым текстом в мифотворчестве писателя.

Библиографические ссылки

1. Алташина В. Д. Автовымысел и теория возможных миров // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики. – М., 2017. – С. 83–98.
2. Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/le2.html>. – Дата доступа: 20.04.2019.
3. Пахсарьян Н. Т. Специфика художественного пространства в романах Кребийона // *Studia Litterarum*. – 2017. – Т. 2, – № 1. – С. 76-89.
4. Gary R. La Promesse de l'aube // *L'Éducation européenne – Les Racines du ciel – La Promesse de l'aube – Lady L*. – Paris: Gallimard, 1990. – P. 723–1055.
5. Gary R. Pour Sganarelle. Recherche d'un personnage et d'un roman. – Paris: Gallimard, 2003. – 555 p.

УДК 811.133.1

АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА НОМИНАТИВНЫХ СТРУКТУР: ПЕРЕВОД НАЗВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ

Н. И. Бруцкая, О. А. Шишла

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь*

Статья посвящена исследованию перевода названий художественных фильмов с итальянского и английского языков на русский язык и с русского языка на итальянский язык. Суть исследования состоит в оценке адекватности перевода вышеназванных номинативных структур с целью определения оптимального его варианта, потому что именно название может рассказать потенциальному зрителю о содержании фильма, привлечь внимание и определить его популярность.

This article is devoted to the study of translation of titles of feature films from Italian and English into Russian and from Russian into Italian. The essence of the study is to assess the adequacy of the translation of the above nominative structures in order to determine the optimal translation option, because it is the name of the film that can